

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 316.232

А. А. Мустафин

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЕОСОЦИОЛОГИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Данная статья представляет собой сравнительный анализ отечественной геосоциологии и географического детерминизма с целью выявления их положительного потенциала, методологических и мировоззренческих возможностей для современной философии и всего спектра социальных наук.

Ключевые слова: геосоциология, географический детерминизм, географический фактор, социокультурный фактор, коэволюция, методология геосоциологии.

A. A. Mustafin

NATIONAL GEOSOCIOLOGY AND GEOGRAPHY DETERMINISM: COMPARATIVE ANALYSIS

This article presents comparative analysis of methodology of national geosociology and geography determinism to discover their positive potential, methodological and world outlook opportunities for present-day philosophy and all the spectrum of social sciences altogether.

Keyword: geosociology, geography determinism, geography factor, socio-cultural factor, co-evolution, methodology of geosociology.

Человечество, несмотря на всю свою сегодняшнюю мощь и независимость, не в состоянии существовать и развиваться без непосредственно окружающей его природной среды, влияние которой на историческое развитие того или иного народа весьма различно. Оно проявлялось, например, в формировании жизненного уклада и быта, развития специфических ремесел, в уровне развития земледелия и т. д. Другими словами, формирование различных этносов во многом определялось тем, в какой именно природно-климатической зоне (степной, лесостепной, прибрежной) они существуют. Данное различие было особенно чувствительным для человека на ранних ступенях развития общества, когда преобразование предметов природы составляло лишь незначительный процент,

по сравнению с их использованием в готовом виде. Неблагоприятные природные условия существенно тормозили общественное развитие, поэтому человеческие сообщества возникали первоначально именно в районах с благоприятными климатическими условиями. Отменный климат требовал меньших трудозатрат на изготовление жилищ и одежды, на производство продуктов питания, однако прекрасные природные возможности южных регионов обеспечивали эти преимущества главным образом на ранних ступенях развития человеческой цивилизации.

В дальнейшем положительная роль благоприятных климатических условий парадоксальным образом превратилась в отрицательную, так как во многом отсутствовал стимул производства. Если бы человек находил все

необходимые ему средства к существованию в природе в готовом виде, то не было бы стимулов для совершенствования производства, следовательно, и для его собственного развития. Таким образом, не только наличие благоприятных природно-климатических условий, но также их отсутствие оказывали ускоряющее влияние на развитие общества.

Степень воздействия географической среды, климата на развитие общества и зависимость человека от них были столь велики, что осознание этого послужило основой для появления целого направления в науке – географического детерминизма (от лат. *determinare* – «определять»). Методологическим принципом географического детерминизма, при анализе состояния и уровня развития общества, является принцип первичности географических условий. Другими словами, географический фактор является решающим, доминирующим при определении специфики экономической, социальной и политической жизни государств.

Теория географического детерминизма пережила свой расцвет еще в эпоху Античности. Известно, что первыми делали попытки объяснить явления общественной жизни особенностями географической среды многие древнегреческие философы. Во время архаического этапа развития Древней Греции последователи милетской школы пытались объяснить строение Вселенной естественными причинами, «ибо должно быть некоторое природное естество или одно, или больше, чем одно, откуда возникает. Фалес – родоначальник такого рода философии – считает его водою, Анаксимен и Диоген ставят воздух раньше чем воду... Гиппас из Метопонта и Гераклит из Эфеса – выдвигают огонь» [1, с. 13]. Однако истолкование природных явлений у них носило не научный, а умозрительный характер. Тем не менее, важнейшим достижением эпохи Древнего мира можно считать начало формирования

географического направления в науке, ставшего базовым для формирования методологии географического детерминизма.

Очередной этап развития географического детерминизма связан с эпохой великих географических открытий. Интерес к этой проблематике в XVI веке оживил Жан Баден – французский философ, экономист, правовед, являющийся по существу одним из основоположников географического детерминизма. Наибольшее значение среди географических факторов Баден придавал климату, полагая, что характер народов в первую очередь зависит от природно-климатических условий среды их обитания. На севере живут физически более сильные и воинственные люди, на юге – более одаренные и при правильном взгляде на историю видно, что величайшие полководцы приходят с севера, а искусство, философия, математика рождаются на юге [2, с. 673]. Однако самая известная в эпоху Просвещения концепция географического детерминизма была создана Шарлем Луи Монтескье – французским философом, писателем и правоведом полагавшим, что характер общественного строя формируется, прежде всего, в зависимости от условий и особенностей природно-климатической среды.

В числе крупнейших восприимчивиков идеей Бодена и Монтескье на Западе в разное время были Иоган Гердер – немецкий философ, историк культуры, литературовед. Его соотечественники: Карл Риттер – основоположник школы сравнительной географии и Фридрих Ратцель – основатель антропогеографии, политической географии, геополитики. Британские ученые – Генри Бокль и Хэлфорд Маккиндер. Юхан Челлен – шведский ученый, автор термина «геополитика». Карл Хаусхофер – основатель немецкой геополитической школы. Поль Видаль де ла Блаш – создатель французской географической школы. Американская исследова-

тельница Эллиен Семпл – одна из основоположниц экологического детерминизма или американского инвайронментализма (от англ. *environment* – «среда») и многие другие.

Следует отметить, что все, сказанное о европейской географической традиции, основанной на методологии географического детерминизма, призвано, в первую очередь, показать, что, двигаясь в общеевропейском направлении, русская географическая школа XIX века сформировала собственную, основанную на оригинальном исследовательском методе, научную геосоциологическую парадигму, в рамках которой работали многие русские ученые. Концептуальным ядром данной методологии является равенство, параллелизм, взаимообусловленность и методологическая равнозначность двух факторов в объяснении социальных процессов: географического и собственно социального (социокультурного). Это принципиально отличает ее от методологии географического детерминизма, доминирующим объяснительным принципом которого, как уже отмечалось, выступает принцип первичности природных условий существования того или иного человеческого сообщества (этноса, народа, государства).

Необходимо сказать, что появлению устойчивого интереса к проблемам географических и социокультурных детерминирующих факторов в развитии общества у русских мыслителей возникли еще в глубокой древности. Древнерусские литературные памятники «Повесть временных лет», «Поучения Владимира Мономаха» дают право утверждать, что славяне высказывали идеи о влиянии географической среды на существование славянских племен. Сами названия «поляне», «древляне», «северяне» уведомляют нас о разности их географического положения и жизненного уклада. В «Повесть временных лет» акцентируется привязка славян

к речному торговому пути, который пролегал на Волге и Дону, что отражает влияние на славянские племена ландшафтов. Общим мотивом древнерусской мысли является идея объединения народов, которая отражает осознание особенностей географической среды, вмещающей и объединяющей славянские племена. В наше время ее точно отразил Лев Гумилев: «Экономико-географическое единство региона, в котором сочетались зональные и азональные ландшафты, (речные долины) определяло необходимость создания целостной хозяйственной системы, где части не противостоят друг другу, а дополняют одна другую» [3, с. 436].

В ряду отечественных мыслителей первым, кто поставил на научную основу проблему учета взаимосвязи географических и социокультурных факторов в объяснении исторических событий, происходящих в России, используя геосоциологию в качестве исследовательского метода, был русский историк Сергей Соловьев. Он обосновывал особенности детерминации процессов общественной жизни и хозяйствования следующим образом: «Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского моря до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев, верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению. И равнина, как бы ни была обширна, каким бы ни было вначале разноплеменным ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области,

однообразие частей и крепкая связь между ними» [6, с. 60].

Связь между древнерусским этносом и географической средой здесь была наглядной. Тем самым основой историко-культурологических взглядов Соловьева, благодаря которым обнаруживается объективная связь между естественными условиями географической среды и характером экономических занятий восточных славян, древнеславянской культуры в целом, является методология геосоциологии, позволившая ему соединить в единое целое географическую среду «обитания» восточных славян с особенностями не только их материально-хозяйственной, но и духовной жизни. Соловьев был уверен, что роскошная природа притупляет умственную и физическую деятельность человека, а более скупая на дары природа требует постоянной напряженной умственной и физической деятельности от человека, держит его всегда в возбужденном состоянии.

Данное высказывание Соловьева о преимуществах умеренного пояса перед тропическим климатом в деле активизации и умножения человеческой деятельности перекликается с геосоциологической концепцией русского географа и этнографа Льва Мечникова, основные положения которой он изложил в работе «Цивилизация и великие исторические реки». Большую часть своей книги Мечников посвятил рассмотрению древних «речных цивилизаций»: египетской, индийской, ассирийско-вавилонской и китайской. Анализируя собранный научный материал, ученый пришел к выводу, что именно великие реки являются колыбелями первых древних цивилизаций. Он был убежден, что именно реки являются выражением живого синтеза всей совокупности физико-географических условий: климата, почвы, рельефа земной поверхности и геологического строения то или иной области [5, с. 159].

Природно-географические условия, созданные «великими историческими реками» и жарким климатом, ставили перед жителями орошаемых долин альтернативу: смерть или солидарность. Чтобы не погибнуть в условиях исключительно тяжелой для существования природной среды, нужны были совокупные усилия прибрежного населения. Зависимость земледелия от разливов рек, необходимость возведения сложных ирригационных сооружений, содержание их в надлежащем виде и сложная система регулирования – все это толкало большие массы людей на путь кооперации, так как только благодаря строго дисциплинированному труду в огромных масштабах можно было рационально организовать жизнь и пропитание. Суровая необходимость, продиктованная условиями природно-географической среды, и привела к возникновению первых известных в истории речных цивилизаций.

В поисках теории взаимосвязи природы и общества, ее философского обоснования положительные результаты дают исследования русского историка Василия Ключевского. Его идеи в общих чертах созвучны с размышлениями Соловьева. Интерес в данном случае представляет сравнительная характеристика Европы и Азии. Удобное географическое положение Европы, несомненно, играло положительную роль в прошлом, когда зависимость человека от природы была особенно велика и благоприятные природные условия способствовали активной производственной деятельности людей.

Очевидный интерес представляют высказывания Ключевского о необходимости обеспечения гармоничного взаимодействия законов окружающей среды с производственными усилиями человека и его утверждения о том, что нарушение этой гармонии губительно для природы. Он одним из первых ученых в XIX веке указывал, что потреби-

тельское отношение человека к природе с целью удовлетворения своих потребностей имеет свои пределы и требует известной осмотрительности. В противном случае, заявлял Ключевский, природа будет во всем противодействовать человеку. Этот тезис ученого как никогда актуален сегодня, а его слова служат предупреждением ныне живущим, что природу можно легко разрушить неумелыми действиями [4, с. 45].

Устойчивый интерес к «экологическим» проблемам, получивший новый импульс в XX веке, во многом обязан появлению современных философских концепций «коэволюции», которые также вытекают из методологии геосоциологии, констатируя параллелизм в развитии природы и человека. Можно отметить, что методология геосоциологии в той или иной степени реализовала себя в экономических теориях Кондратьева и Чаянова, в учении Вернадского о ноосфере, теории биосоциальной коэволюции, теории этногенеза Гумилева, учении о «Коллективном Интеллекте» Моисеева, евразийстве и т. д. Отсюда следует, что верность методологических и мировоззренческих принципов геосоциологии, ее значительный прогностический потенциал демонстрирует сама жизнь и современная практика. Необходимо также отметить, что перечисленные учения и теории исходят из того, что российская цивилизация имеет особый вектор развития (в истории, политике, экономике, социально-государственном устройстве и т. д.) в силу природно-географических, ландшафтно-рельефных, климатических и

прочих особенностей ее локализации и бытования на планете.

Систематизируя вышесказанное, можно сделать вывод, что основными методологическими принципами отечественной геосоциологии необходимо считать: а) принцип обусловленности развития социума природно-климатическими условиями и географической средой обитания; б) принцип относительной автономности природных и социокультурных детерминант развития; в) принцип несводимости (и невыводимости) социокультурных детерминант развития к природным (из природных) и обратно; г) принцип коэволюции природных и социальных факторов; д) принцип возрастания роли социальных факторов и закономерностей в жизнедеятельности социума по мере развития цивилизации; е) принцип интегральности (системности) анализа; ж) принцип пассионарности, то есть зависимости социума от природно-энергетических процессов, происходящих в тех или иных регионах планеты; з) принцип ноосферности.

Значение теоретиков русской геосоциологической школы огромно. Их прогрессивный вклад в теорию и методологию обществознания заключался именно в том, что в объяснении социальных процессов они не склонялись к одностороннему признанию в качестве основополагающего, ни географический, ни социокультурный фактор. Новизна здесь как раз заключается в обратном: не в одностороннем, а в двухстороннем и равнозначном учете обоих факторов общественного развития.

Литература

1. Аристотель. Метафизика. – М.: АСТ, 2006.
2. Антология мировой философии: Возрождение. – М.: АСТ, 2001.
3. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Айрис-пресс, 2007.
4. Ключевский В. О. Курс русской истории. – М.: Альфа-книга, 2009.
5. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. – М.: Прогресс-Пангея, 1995.
6. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – М.: Соцэкономиздат, 1965.

Literatura

1. Aristotel'. Metafizika. – M.: AST, 2006.
2. Antologija mirovoj filosofii: Vozrozhdenie. – M.: AST, 2001.
3. Gumil'jov L. N. Drevnjaja Rus' i Velikaja step'. – M.: Ajris-press, 2007.
4. Ključevskij V. O. Kurs ruskoj istorii. – M.: Al'fa-kniga, 2009.
5. Mechnikov L. I. Civilizacija i velikie istoričeskie reki. – M.: Progress-Pangeja, 1995.
6. Solov'jov S. M. Istorija Rossii s drevnejših vremen. – M.: Socjekonomizdat, 1965.